

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-122-127

ПРОИЗВОДНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ «МАТЕРЧАТОГО» УБРАНСТВА РУССКОГО ДОМА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Венера Фатхутдинова

DERIVED NAMES OF THE RUSSIAN HOUSE “CLOTH” DECORATION: AN ETHNOLINGUISTIC ASPECT

Venera Fatkhutdinova

The article considers derived substantives in terms of ethnolinguistics, they serve as designations of the Russian house “cloth” decoration elements. The purpose of the work is to identify and describe lexical and word-formation semantics, typical word-formation models, as well as the internal form specifics of outdated household names. The study has found that the use of various nominative techniques, and above all, morphological methods of word formation, indicates that the objects of naming are involved in the sphere of social and everyday relations, their names reflect familiar to the Russian ethnic group view of things and their interrelationship. The semantics of such words focus on associative signs and representations related to spiritual, social and industrial activities of native speakers. The considered word-formation models and the range of word-formation meanings (of a concretizing or, conversely, generalizing type) allowed us to take a fresh look at the process of lexicalization of the internal word form and characterize the formation dynamics and the entry of a nominative unit into the vocabulary of the language. The derived names of artifacts, their semantic and linguistic-cultural features, as well as idioethnic labeling confirm the fact of the word formation selectivity. The subject's signs and properties most relevant for linguistic consciousness are subject to lexical transformation and modification, which indicates the pragmatic orientation of nominative processes. The obsolete derivative words, being designations of the realities of material culture, allow describing the national and cultural originality of the lexical, semantic and derivational space of the Russian language.

Keywords: ethnolinguistics, names of artifacts, derivative word, semantic, word-formation model

В статье в этнолингвистическом аспекте рассматриваются производные субстантивы, служащие обозначениями элементов «матерчатого» убранства русского дома. Цель работы – выявить и описать лексическую и словообразовательную семантику, типовые словообразовательные модели, а также специфику внутренней формы устаревших названий предметов домашнего обихода. В исследовании установлено, что использование разных номинативных техник, и прежде всего, морфологических способов словообразования, свидетельствует о том, что объекты именования вовлечены в сферу социально-бытовых отношений, их названия отражают привычный для русского этноса взгляд на вещи и их взаимосвязь. В центре семантики таких слов оказываются ассоциативные признаки и представления, связанные с духовной, социальной и производственной деятельностью носителей языка.

Рассмотренные словообразовательные модели и диапазон словообразовательных значений (конкретизирующего или, наоборот, обобщающего типа) позволили по-новому взглянуть на процесс лексикализации внутренней формы слова и охарактеризовать динамику формирования и вхождения номинативной единицы в словарный состав языка. Производные наименования артефактов, их семантические и лингвокультурные признаки, а также идиоэтническая маркированность подтверждают факт селективности словообразования. Лексической трансформации и модификации подвержены наиболее актуальные для языкового сознания признаки и свойства предмета, что свидетельствует о прагматической ориентации номинативных процессов. Вышедшие из употребления производные слова, будучи обозначениями реалий материальной культуры, позволяют описать национально-культурное своеобразие лексико-семантического и деривационного пространства русского языка.

Ключевые слова: этнолингвистика, наименования артефактов, производное слово, семантика, словообразовательная модель

Для цитирования: Фатхутдинова В. Производные наименования «матерчатого» убранства русского дома: этнолингвистический аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 122–127. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-122-127

Введение

Как известно, производные наименования конкретных предметов выступают аксиологически значимыми единицами метаязыкового сознания человека. Их этнолингвистическая интерпретация позволяет выявить специфику деривационно-номинативных процессов на определенном этапе развития языка, а также способы модификации, трансформации и детализации смыслов в процессе формирования национальной концептосферы, отражающей материальные и нематериальные сущности. В этой связи предметом нашего исследования стала устаревшая, разговорно-просторечная и диалектная лексика, обозначающая типичные предметы «матерчатого» убранства русского дома. Ценность подобных артефактов как элементов русской бытовой культуры не исчерпывается их утилитарно-практической значимостью, они имеют символическое значение в качестве знаков, фиксирующих процесс накопления знаний об окружающем мире. Обозначение реалий повседневной жизни представляет собой синтез универсальных и этнокультурных представлений человека, поэтому такие слова являются индикаторами национальной специфики языка.

Цель работы – выявить и описать лексическую и словообразовательную семантику, типовые словообразовательные модели, а также специфику внутренней формы устаревших названий предметов домашнего обихода в рамках диахронического и синхронического динамизма. Новаторство работы обусловлено тем, что в ней впервые лингвистический анализ проводится в рамках культурологически ориентированного описания производных слов, их словообразовательных моделей и деривационных значений разной степени абстрактности.

Семантическая сфера «текстильные артефакты» включает в себя названия столового и постельного белья, спальных принадлежностей, разного рода занавесок и полотенец, предметов кухонного обихода и др. Актуальным с точки зрения словообразования становятся «производящие способности этих групп и причины, определяющие эти способности, закономерности сочетаемости мотивирующих слов с аффиксами различных частей речи; словообразовательная структура слов этих групп, использованные в них форманты» [1, с. 235].

Методы и материалы

В исследовании использовались ретроспективный и перспективный словообразовательный анализ, позволяющий соотнести этимологический, лексический и деривационный статус производного слова, а также метод этнолингвистического описания языковых фактов. Источниками производной лексики послужили словари и различного рода издания, посвященные истории и бытописанию русского этноса.

Результаты и обсуждение

Одной из теоретических посылок нашего исследования стала типология деривационных значений в сфере мутационного субстантивного словообразования (Л. А. Араева, З. И. Резанова, М. Н. Янценецкая, И. С. Улуханов и др.). Перечислим их типы по шкале от наиболее конкретного до максимально абстрактного: 1) индивидуальное лексико-словообразовательное; 2) лексико-словообразовательное; 3) деривационно-позиционное; 4) деривационно-субкатегориальное; 5) частное деривационное; 6) грамматико-деривационное; 7) инвариантное (обобщенное) деривационное (см. подробнее [2, с. 30–44]).

Словообразовательная семантика тесно связана с внутренней формой слова, которая рассматривается нами не только как способ морфемно-семантической организации производного слова, но и как способ выражения его этнокультурной специфики. Такой подход позволяет выявить информацию о национально-культурных предпочтениях носителей русского языка, о мотивах и стратегиях процессов вторичной номинации. «Феномен производности (вторичности) в любом случае всегда связан с процессом манипулирования первичными вербализованными структурами, которые приводят к формированию новых концептуальных структур» [3, с. 59]. В работе языковые факты анализируются с точки зрения этнолингвистики – научной дисциплины, изучающей взаимоотношения между этносами, культурой и языком. По мнению ученых, «этнолингвистике свойственно задавать широкое полотно историко-этимологической и культурно-языковой информации, в котором содержатся все собранные знания о языке и жизни того или иного народа» [4, с. 1401].

Рассмотрим производные наименования артефактов, предназначенных для накрывания мебели или украшения разных предметов домашнего обихода. Прежде всего это производные су-

существительные, образованные по конфиксальным и суффиксальным словообразовательным моделям и выражающие инвариантное (обобщенное) словообразовательное значение «наименование предмета, определяемого по его связям с другими предметами». Данное значение можно трактовать и как грамматико-деривационное, поскольку оно реализуется в сфере имен существительных. Следует отметить, что в этом случае в основу наименования положен не собственный признак предмета, а относительный, отражающий его связь с другими предметами в рамках функциональных и пространственных отношений.

Так, существительное *полавочник* – «накидка на лавки» образовано от основы *лавка* при помощи конфикса «по- ... -ник». В современном русском языке это непродуктивный словообразовательный формант, образующий «названия растений, которые характеризуются местоположением близ или вдоль того, что названо мотивирующим словом: *подорожник*, *поручейник*» [5, с. 377]. Следовательно, лексико-словообразовательное значение слова *полавочник* можно определить как «наименование предмета, который кладется на лавку вдоль ее длины»: *Кругом стен под окнами делались лавки, которые ... составляли часть постройки здания и были прикреплены к стенам неподвижно* [6, с.147]. Данная номинативная единица служила обозначением и другого артефакта: *полавочник* – «длинная полка или несколько полок, расположенных по периметру всей избы над лавками, место для хранения бытовых предметов» [7, с. 57]. В последнем случае словообразовательное значение сужается до статуса индивидуального: «название артефакта, расположенного над и вдоль другого предмета по периметру всего пространства».

Обратимся к анализу производных, образованных при помощи конфикса «на- ...-ник» – довольно регулярной и продуктивной в русском языке словообразовательной единице. Производные существительные, включающие в свой состав данный формант, обозначают «предметы, располагающиеся на поверхности того, что названо мотивирующим словом» [5, с. 272]. Так, на базе существительного *окно* образуется дериват *наоконник*: «наоконники – суконные, стеганные покрышки на подоконники» [8, с. 445]; ср. также *сундук* → *насундучник* – накидка на сундук.

По этой же модели от основы *стена* образовано и существительное *настенник* – «мешочек из ткани прямоугольной формы или с закругленной нижней частью для хранения хозяйственных мелочей: ниток, иголок, наперстков. Прибивается к стене избы» [7, с. 95]. Пропозициональным

признаком этого деривата является место расположения номинируемого объекта, предопределяющее его лексико-словообразовательное значение – «наименование предмета, расположенного (висящего) на стене».

Конфигсальную модель образования демонстрирует и существительное *набожник* – полотно на ткани, ткань для закрывания или украшения божницы. В словарном составе русского языка имеется другое идентичное производное, образованное при помощи суффикса *-ник*: *божник* (иконник) – «то же, что и набожник». Внутренняя форма и лексическая семантика этих производных обнаруживает синкретизм понятий «Бог» и «икона», выступающих в качестве единого мотивировочного признака, ср. также: *божница* (*боженка*, *божица*, *божка*, *иконник*) – «полочка или открытый шкафчик для постановки икон» [7, с. 65].

Проанализируем результаты других деривационно-семантических трансформаций в наименованиях данного артефакта. По конфиксальной словообразовательной модели образовано слово *накутник* (от церковнославянского *кут* – «угол, тупик») – небольшие украшенные полотнища холста, которые прикреплялись в красном углу избы под иконами. Для наименования данного предмета также используются производные субстантивы с иным характеризующим планом: *обвеска* (от глагола *обвесить*), а также существительное *благовестка*, мотивированное устойчивым словосочетанием (христианским термином) «благая весть»: «Такие занавески были распространены у старообрядцев во всех регионах России. Старообрядцы считали необходимым закрывать лики икон от посторонних глаз. Занавеску раздвигали только во время молитвы» [Там же, с. 94–97].

В семантике перечисленных производных объединяются смыслы, принадлежащие разным семантическим сферам: предметно-бытовой и духовно-религиозной. Их внутренняя форма позволяет узнать, какие именно коммуникативно значимые понятия получают номинативное оформление. При этом она свидетельствует об относительной независимости мотивационного и лексического значений. Лексико-словообразовательное значение исследуемых дериватов может быть сформулировано следующим образом: «наименование предмета, предназначенного для защиты или украшения того, что названо мотивирующим словом» или «наименование артефакта, определяемого по помещаемому за ним объектом (иконами)».

Таким образом, *божник*, *набожник*, *накутник*, *благовестка*, *обвеска* в конкретной религи-

озно-обрядовой ситуации выступают не только как бытовые предметы (занавески), но и как артефакты, имеющие высокий символический и семиотический статус, поскольку отражают сакральную сферу взаимодействия человека с Богом.

Одним из важных элементов «матерчатого» убранства русского дома являлась скатерть. Об утилитарно-практической значимости данного предмета свидетельствуют диахронически маркированные производные, мотивированные словом скатерть: *скатертник* (феминитив - *скатертница*) – 1) «мастер, изготавливающий скатерти»: «Да налево по Булаку ... Некраско рыболов, [двор] Нечайко *скатертник*»; 2) «тот, кто накрывал стол и осуществлял присмотр за столовым бельем, посудой»; *скатертная* – «помещение, где хранилось столовое белье и посуда»; *скатертка* (*скатерка*) – «маленькая скатерть»; *скатеришка* (*скатеришко*) – «небольшая или невысокого качества скатерть»; *скатертный* (*скатертный*) – «прил. относящийся к скатерти»: *скатертная изба, палата; скатертная сковорода* – «подаваемая на стол сковорода, металлическая тарелка с приготовленным кушаньем» [9, с. 181].

Непосредственно от основы *скатерть* при помощи конфикса «под ... -ник» образован субстантив *подскатертник* – «кусочек ткани, который подкладывался под скатерть»: «Во время трапезы поверх подскатертника стол накрывался скатертью» [10, с. 473].

Конфискальным способом образованы и производные *настольник* и *натрапезник*, являющиеся обозначениями скатерти. «Парадоксальность» внутренней формы последнего деривата обусловлена тем, что мотивирующим словом в данном случае выступает отвлеченный субстантив *трапеза*, в то время как закономерность мотивирующего признака «стол» в существительном *настольник* не вызывает сомнений.

Социально-функциональный принцип номинации и лексико-словообразовательное значение «наименование столового белья по способу производства ткани» фиксируется у существительного *браник* – «то же, что и скатерть из льняной, хлопчатобумажной ткани домашнего изготовления, выполненной в технике браного ткачества» [7, с. 66]. Внутренняя форма этого деривата указывает на такие характеристики артефакта, которые появились в результате производственной деятельности.

Рассмотрим еще одно устаревшее название скатерти: *камчатка* (*камчатник*) – «то же, что скатерть, но сшитая из камчатного полотна, т.е. тонкого белого льняного, со сложным белым же узором» [7, с. 79]; ср. другую дефиницию, свиде-

тельствующую о семантической трансформации мотивирующей основы *камка* (первоначально название шелковой китайской ткани): *камчатка*, *камчатник*, *бранина* или бранное полотно – «узорочная ткань, идущая на столовое белье, полотенца»; *камчатный*, *камчатый* – «узором на камку похожий; из камчатки, камчатной льняной ткани сделанный» [8, с. 82]. Таким образом, у существительного *камчатка* мотивировочный признак имеет предметно-признаковый характер, он позволяет определить объект номинации через его непосредственное соотношение с другим предметом, а именно с видом ткани. Конкретизация лексико-словообразовательного значения дает возможность установить более узкую семантику определительного типа: «наименование столового белья по ткани»; она появляется у замыкающего деривата словообразовательной цепи: *камка* → *камчатый* / *камчатный* → *камчатка*.

Производное наименование скатерти может быть мотивировано и глаголом: *постелить* → *постелюха* [7, с. 106]. Характеризующий принцип номинации, когда наименование предмета мотивировано по процессуальному (статальному или динамическому) признаку, можно обнаружить в субstantиве *квашенник* – «маленькая скатерть или кусок ткани, которым накрывают квашню во время брожения теста». Словообразовательная цепь в данном случае может быть представлена в двух вариантах: *квасить* → *квашня* → *квашенник* или *квасить* → *квашенный* → *квашенина* → *квашенник*. Следует отметить, что на базе глагола *квасить* образуются и другие наименования кухонной утвари: *квашня* / *квашонка* – посуда для заквашивания теста, капусты, молока и др.; *квашонник* (веселка) – специальная лопатка для размешивания теста; *квашенник* – специальный нож для соскабливания остатков теста с краев посуды [Там же, с. 188]. От глагола *повалить* (в значении «вывалить») при помощи суффикса *-ух(а)* образуется существительное *повалуха* – «скатерть, на которую вываливали тесто» [Там же, с. 287].

Во всех исследуемых дериватах конкретизация деривационного значения до уровня лексико-словообразовательного или индивидуального словообразовательного осуществляется на уровне широкой семантической темы «стол», детерминирующей лексическую семантику производных слов, но не всегда выраженной формально.

Производные существительные с идиоматическим типом словообразовательной семантики преобладают в наименованиях такого распространенного предмета быта, как полотенце. Так, от существительного *крюк* в значении «вешалка

для одежды и различных бытовых предметов; изготавливался из дерева различных пород с учетом естественного углового расположения ствола и сука» [Там же, с. 86] образуются субстантивы: *накрючник* и *крюковник* – «полотенце для украшения жилища во время религиозных праздников»; см. у Даля: *крючник* – «полотенце, утиральник, который висит на крюку» [8, с. 208].

В представленных дериватах в качестве мотивирующей основы выступает наименование предмета, статальный признак которого выдвигается на первый план и получает формальную маркированность. Фразеологизированный тип словообразовательной семантики отражает субстанциональные компоненты процессуальной ситуации: *крюковник*, *крючник*, *накрючник* – это предметы, которые вешаются на крюк, однако внутренняя форма этих слов не указывает на то, что данные номинации являются обозначениями полотенца.

Лексико-словообразовательное значение другого типа обнаруживается в существительном *рукотёрка* – «толстая холщовая или из другой ткани тряпка для вытирания лица и рук после умывания» [7, с. 296]. Внутренняя форма композита демонстрирует характеризующий принцип номинации, который позволяет предельно конкретно представить функцию называемого предмета. Этот принцип реализуется при мотивации словосочетанием *тереть (вытирать) руки*, то есть по акциональному (динамическому) признаку: «то, чем трут (вытирают) руки»; ср. *утиральник*, *утирка* – «то, чем утирают лицо и другие части тела».

Идиоматический тип словообразовательной семантики обнаруживается также в субstantиве *перебирка* – «домотканое полотенце, украшенное специальным – „перебранным“ – орнаментом», лексико-словообразовательное значение которого можно сформулировать следующим образом: «наименование артефакта по технологии изготовления ткани (по результату производимого действия)». Здесь представлена другая символизация реалии: важными являются не функциональные, а эстетические характеристики вещи.

Таким образом, дробные классы наименований мебели, элементов дома и бытовых предметов – *лавка*, *окно*, *сундук*, *стол*, *крюк* и др., выступающие в функции мотивирующих слов, детерминируют образование одноклассных дериватов с повторяющимся типом лексико-словообразовательного значения. И здесь следует согласиться с мнением ученых, что «мотивирующие единицы в акте словопорождения объединяются в деривационно значимую тематическую группу» [2, с. 42]. В структуре производного

слова находит отражение специфическая конфигурация лексической и словообразовательной семантики, включающая в себя как логико-семантический, так и идиоэтнический компонент.

Заключение

Итак, таксономическая классификация названий предметов домашнего обихода дает представление о номинативной деятельности человека и репрезентативной функции производных и непроизводных слов. Использование разных номинативных техник, и прежде всего, конфикального и суффиксального способов словообразования, свидетельствует о том, что объекты именования вовлечены в сферу социально-бытовых отношений, их названия отражают привычный для русского этноса взгляд на вещи и их взаимосвязь. В центре семантики таких слов оказываются ассоциативные признаки и представления, связанные с духовной, социальной и производственной деятельностью носителей языка.

Производные наименования артефактов, их деривационно-семантические и лингвокультурные признаки, а также идиоэтническая маркированность подтверждают факт селективности словообразования. Именуемый субъект выбирает те семантические сферы, которые больше всего нуждаются в дифференциации и конкретизации, – именно так формируется ценностно-смысловое пространство языка. Лексической трансформации подвержены наиболее актуальные для языкового сознания признаки и свойства предмета, что свидетельствует о прагматической ориентации деривационно-номинативных процессов.

Выявленные нами словообразовательные модели и диапазон словообразовательных значений (конкретизирующего или, наоборот, обобщающего типа) позволяет по-новому взглянуть на процесс лексикализации внутренней формы слова и охарактеризовать динамику формирования и вхождения номинативной единицы в словарный состав языка. Вышедшие из употребления производные слова, будучи обозначениями реалий материальной культуры, позволяют описать национально-культурное своеобразие лексико-семантического и деривационного пространства русского языка.

Список источников

1. Улукханов И. С. Словообразование. Морфология. Лексикология. Избранные работы по современному русскому языку. М.: «Азбуковник», 2019. 560 с.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 272 с.

3. Болдырев Н. Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69.

4. Бартминьски Е. Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы / Бартминьски Е., Березович Е., Вепрева И., Ковшова М., Шмелев А. // Quaestio Rossica. Т. 9. 2021. № 4. С. 1389–1408.

5. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.

6. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Под ред. Н. И. Павленко. М.: Республика, 1992. 303 с.

7. Русская изба (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): Иллюстрированная энциклопедия / Авт. – сост.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Е. Л. Мадлевская и др. СПб.: Искусство – СПб, 1999. 376 с.

8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1995. 784 с.

9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. / РАН, Ин-т русского языка; гл. ред. Г. А. Богданова. М.: Наука, 1999. 254 с.

10. Забылин М. М. Русский народ: его обычаи, предания, обряды и суеверия. М.: Эксмо, 2008. 608 с.

References

1. Ulukhanov, I. S. (2019). *Slovoobrazovanie. Morfologiya. Leksikologiya. Izbrannye raboty po sovremennomu russkomu yazyku* [Word Formation. Morphology. Lexicology. Selected Works on Modern Russian Language]. 560 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

2. Araeva, L. A. (2009). *Slovoobrazovatel'nyi tip* [The Word-Formation Type]. 272 p. Moscow, Knizhnyi dom Librokom. (In Russian)

3. Boldyrev, N. N. (2021). *Fenomen proizvodnosti v kul'ture i yazyke* [The Phenomenon of Derivation in Culture and Language]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. No. 2, pp. 57–69. (In Russian)

4. Bartmin'ski, E. (2021). *Vzaimodeistvie yazyka i kul'tury v issledovatel'skom pole: granitsy i perspektivy* [The Interaction of Language and Culture in the Research Field: Boundaries and Prospects]. E. Bartmin'ski, E. Berezovich, I. Vepreva, M. Kovshova, A. Shmelev. Quaestio Rossica. T. 9. No. 4, pp. 1389–1408. (In Russian)

5. Efremova, T. F. (2005). *Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinit russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Word-Formation Units of the Russian Language]. 636 p. Moscow, AST, Astrel'. (In Russian)

6. Kostomarov, N. I. (1992). *Ocherk domashnei zhizni i nravov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [An Essay on the Domestic Life and Customs of the Velikorussian People in the 16th and 17th Centuries]. Pod red. N. I. Pavlenko. 303 p. Moscow, Respublika. (In Russian)

7. *Russkaya izba (Vnutrennee prostranstvo, ubranstvo doma, mebel', utvar')* (1999) [A Russian Log House (Interior Space, Home Decoration, Furniture, Utensils)]. Illyustrirovannaya entsiklopediya. Avt. - sost.: D. A. Baranov, O. G. Baranova, E. L. Madlevskaya i dr. 376 p. St. Petersburg, Iskuststvo – SPb. (In Russian)

8. Dal', V. I. (1995). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. V 4 t. T. 2. 784 p. Moscow, TERRA. (In Russian)

9. *Slovar' russkogo yazyka XI – XVII vv.* (1999) [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vyp. 24. RAN, In-t russkogo yazyka; gl. red. G. A. Bogdanova. 254 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

10. Zabylin, M. M. (2008). *Russkii narod: ego obychai, predaniya, obryady i sueveriya* [The Russian People: Their Customs, Traditions, Rituals and Superstitions]. 608 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

The article was submitted on 14.06.2024

Поступила в редакцию 14.06.2024

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
favenera@mail.ru

Fatkhutdinova Venera Gabdulkhakovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
favenera@mail.ru